

В калошах Ельцина, под зонтиком Гайдара

Александр ЗАПЕСОЦКИЙ,
председатель исполкома Конгресса петербургской
интеллигенции, академик РАО

Думаящая часть общества в тревоге за Россию: коммунисты давно не у власти, а просвета в нашей многострадальной жизни не видно. Наоборот, сплошные беды сыплются на страну. Что ни день — то новые вызовы судьбы, катастрофы, кошмары. Энергичное начальство на телеэкранах, как Супермен с Бэтменом, элегантно летает от одной проблемы к другой, тушит мировые пожары: дырявая украинская труба, война в Осетии, финансовый кризис... И внутри державы

Меня заинтересовала недавняя публикация в одной из федеральных газет материала Юрия Полякова о кризисе. Юрий Михайлович, как и положено хорошему писателю, обладает достаточной зоркостью. Он пишет даже не об одном, а сразу о трех кризисах — экономическом, нравственном и государственном («государственной недостаточности»). Под каждым его словом многие сегодня подпишутся. И под тем, что русские оказались неэффективными собственниками одной седьмой части суши, и что кризис мы встретили на тех же руинах, оставленных нам младореформаторами, и что та общественно-экономическая модель, которая была навязана нам в 1990-е, так и не заработала.

Все верно и давно известно. Вот пишет Юрий Поляков: «Я воспринимаю кризис как явление социально-нравственного порядка». А мне вспоминается высказывание академика Лихачева, датированное июнем 1994 года: «Демократия без нравственности — абсурд. Переходный период, который всегда во всех странах несет в себе некоторую хаотичность, требует от людей государственных высот и очень чуткой нравственности. Административная мораль — вот чего нам не хватает после семидесяти пяти лет систематического нарушения нравственных норм. А в безнравственном обществе никакие экономические законы не действуют. И все распоряжения гаснут. Распоряжения президента, правительства не выполняются безнравственными людьми».

Тогда Лихачева, разумеется, не услышали, как не услышат и сегодня никого из отечественной интеллигенции. Но все же обсуждение данной тематики необходимо — для выработки общественного мнения, не считаться с которым бесконечно долго невозможно.

Мне бы хотелось продолжить размышления Юрия Полякова в том месте, где автор их заканчивает: какая, собственно, общественно-экономическая модель, навязанная нам младореформаторами в 1990-е годы, не сработала? Почему и в какую очередную яму мы попали? Как из нее выбраться?

Диагноз этой российской проблеме уже поставлен боль-

шой группой общественных и зарубежных ученых мирового класса. Упомяну хотя бы доклад китайского академика Ли Цзин Цзе на Международных Лихачевских научных чтениях у нас в университете, опубликованный два года назад. Утверждалось, что в заимствовании западной культуры нельзя допускать уклонов как влево, так и вправо. Под левым уклоном имелось в виду неумелое практическое применение марксизма в годы советской власти, под правым — то, что у нас происходит с начала 1990-х годов, ультралиберальный рыночный капитализм, как говорят экономисты, — либеральный фундаментализм. Якобы — «как на Западе». Последнее, разумеется, неправда, пропагандируемая блоком теоретиков, питающих своими идеями страну вот уже около двадцати лет.

Вообще-то государственная идеология нам не положена Конституцией РФ, более того, прямо запрещена статьей 13. Но управлять страной без идеологии невозможно. И в реальности она, конечно, существует. Деидеологизация Российской Федерации — это миф, призванный скрыть реализацию определенной и весьма непривлекательной для общества идеологической парадигмы.

Известно, что любая политика содержит вполне конкретные цели и методы их достижения, опирающиеся на те или иные идейные установки. На уровне бытового понимания современная идеология власти воплощена в формуле: «Никакой идеологии, рынок все расставит по своим местам и приведет Россию к процветанию». Данной смысловой конструкции присуща удивительная целостность. Если ее вторая часть провозглашает абсолютизацию рыночной идеологии, то первая усиливает смысл, подчеркивая, что никакой другой идеологии быть не должно.

Таким образом, отрицается не только коммунистическая идеология, но и любая другая «нерыночная», в том числе христианская, включая присущие ей понятия совести, нравственности, морали. Если Христос призывал изгнать торговцев из храма, то нынешнее чиновничество склонно

сплошной кошмар. Самолеты падают, малограмотные врачи детишек убивают, ГЭС разрушаются, олигархи не могут экономику наладить, чиновники не тем заняты... Потрясающая новость: министр Нурғалиев повелел в течение месяца искоренить в своем ведомстве коррупцию. Теперь с рядовых милиционеров требуют расписки в том, что они обязуются больше взятки с населения не брать. Даже если сделать поправку на невротизирующую население сущность современного телевидения, все равно жизнь страны уже слишком походит на будни сумасшедшего дома. И понимаешь: что-то у нас снова не так в государстве, что-то надо менять, и менять всерьез.

превращать храм в рынок. Формальное отрицание идеологии означает на деле утверждение идеологии главенства частного материального интереса над любыми прочими интересами, существующими в стране. Понятия добра и зла в принципе отрицаются как несовместимые с рынком. Рынок якобы знает только две категории: «выгодно» и «невыгодно».

Именно эта идеология воспринята российским правящим слоем, именно она пропагандируется, насаждается с помощью СМИ, начиная с времен поддержки Б. Н. Ельциным знаменитого лозунга: «Обогащайтесь!». Данную практику не меняют даже систематические публичные выступления Д. А. Медведева и В. В. Путина в защиту интересов населения и в поддержку морали.

Увы, мы снова построили то, чего нет нигде в мире, — фантастически неэффективную экономику, реализуемую на основе антинаучного управления. Семьдесят лет отрицания рынка, абсолютизации социалистической идеи, тотального огосударствления экономики. Затем маятник скачком перемещается в противоположную сторону и застывает, как бы «подлипает»: абсолютизация частного интереса и возможностей рынка, игнорирование интереса общественного, безумная идея отстранения государства от регулирования жизни страны.

Грустно. И в семидесятые, и в восьмидесятые годы мы располагали блистательными теоретиками-экономистами, знающими, что надо делать. Еще в середине 1990-х к руководству страны обращалась группа российских и американских звезд мировой экономической мысли: академики РАН и нобелевские лауреаты предупреждали, что ультралиберальные рыночные теории нашей практике противопоказаны. От них отмахнулись. И сейчас мы располагаем учеными экстра-класса. Ушли из жизни академик Львов и многие другие, но многие остались и работают. Их стараются не слышать.

Игнорируют академика Абалкина — автора блистательной «теории исторического синтеза». Еще бы не игнорировать: Леонидом Ивановичем показано, что даже в оплоте экономи-

ческого либерализма — США, даже до кризиса осуществлялось мощнейшее государственное регулирование рынка. Не замечают власти и работ исследовательской группы академика Богомолова. Еще бы: из них следует очевидная взаимосвязь успеха экономического развития с культурой общества, моралью, нравственностью.

На последних Лихачевских чтениях в этом году прозвучал интереснейший доклад академика Некипелова. Его общая идея заключается в следующем. Лежащая в основе либерального фундаментализма теория, сформированная выдающимся английским экономистом Адамом Смитом и основанная на концепции «экономического человека», имеет серьезные ограничения и не соответствует реалиям времени. «Экономический человек» — это особь, безразличная к всему, что не входит в «меню» его собственного потребления. Стремление к максимальному потреблению — это разновидность ценностной установки личности, и, по Некипелову, в этом смысле «культурный аспект интегрирован в самое сердце экономической теории».

Понимание данного обстоятельства открывает путь к постановке в центр рыночной экономики более сложного и реального субъекта современной истории, нежели «экономический человек». Ведь природа человека не сводится исключительно к инстинкту потребления. Такая постановка вопроса позволяет совершить новый прорыв в экономической теории и открывает дорогу качественно иной экономической практике, переустройству государственных и общественных институтов.

И не случайно мы видим, что в странах — лидерах мирового развития ставка делается на человека, неравнодушного к общественному благу и нравственным ценностям: гражданина, патриота, труженика, хорошего семьянина и т. д. Но в нашей стране возобладала диаметрально противоположная тенденция. Россия сегодня ударными темпами воспроизводит «человека потребляющего».

Провозглашенная в начале 1990-х годов деидеологизация

России не состоялась. Партокмы ушли с предприятий, но их роль полностью взяло на себя телевидение, в особенности — телереклама. Новая национальная идея найдена — это идея безудержного, бессмысленного потребления, когда само потребление становится смыслом жизни. Россияне стремительно исчезают как нация культурных людей — в том смысле, как мы понимали культуру в XX веке. Недавно опубликована статистика: 62% наших соотечественников считают мат нормой речи. А можно было бы в качестве примеров поговорить и об отношении к старикам, к детям, о пьянстве, изнасилованиях, самоубийствах, коррупции...

Чего ни коснись — провал национального развития по всем статьям. Ведущие федеральные каналы телевидения занимаются каждодневным растлением населения. Сергей Капица — эксперт авторитетнейший — назвал недавно телевидение преступной организацией. И поделом. Научные исследования фиксируют чудовищные результаты влияния «тележщика».

А что в образовании? Школы быстро превращаются в лавочки по обиранию родителей, многие вузы опускаются до уровня ПТУ в ходе реализации пагубной концепции «образовательных услуг»... Мы теряем новые поколения молодежи как дееспособную часть населения, и никого не должны утешать отдельные успехи программистов на олимпиадах, отдельные талантливые ученые — это исключения из правила.

Там, где Юрий Поляков усматривает три кризиса, я вижу один — системный кризис, связанный с очередной ошибкой в выборе социально-экономической модели развития, в выборе государственной идеологии.

Конечно, жизнь заставляет страну менять порочный курс 1990-х годов. Ведь сильное государство, органы которого воссоздали «властную вертикаль», существует не только для удовольствия и процветания власти имущих. У него должна быть сильная социально-экономическая политика. Мы видим, как таковая начинает вырабатываться и реализовываться. Увы, пока в режиме «ручного управления». Но очевидно, что назрели системные перемены.

Пока же этого не произошло, и мы, похоже, плетемся по той же дороге, по которой стремительно движутся наши основные конкуренты на мировой арене: США, Западная Европа, Китай. Только плетемся мы в противоположную сторону. Под дождем. В прохудившихся калошах Ельцина и под дырявым зонтиком Гайдара.